

УДК 291.68

СЕМИО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ И ПРОБЛЕМА ЗАВЫШЕННОЙ ВАЛИДНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ РЕЛИГИОЗНЫХ СУБКУЛЬТУР

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.103

В статье рассматриваются стратегии использования семиотических приемов для целенаправленного формирования представлений о значимости (ценности) предметов и явлений, которые в реальности этой значимостью не обладают. Данную технологию сегодня активно используют лидеры маргинальных религиозных сообществ и групп как в апологетических, так и в пропагандистских целях. Формирование семиотических фикций является более сложным процессом, нежели создание стилизаций и пародий. Проведенное исследование подтвердило тезис о том, что основная семиотическая стратегия образования фикций – метафоризация, при этом формируются метафоры различных типов. Используется референция к семантике армейских структур, силовиков, традиционной и канонически безупречной церковности. Аналогичным образом создание семиотических фикций используется для рекламы сомнительных религиозных учебных заведений, которые таким образом формируют ошибочное мнение о своей академической респектабельности.

Ключевые слова: семио-герменевтическая фикция, религия, субкультура, дискурс.

Под семио-герменевтической фикцией мы будем понимать целенаправленное формирование при помощи семиотических приемов представлений о значимости (ценности) предметов и явлений, которые в реальности этой значимостью не обладают. Образование такого рода фикций в определенной мере неизбежно, так как даже маргинальное сообщество создает собственный «семиотический мир», продуцирует новые знаки и наравне с этим совершает присвоение уже используемых в культуре [3]. Значимость может иметь чисто социальный, религиозный, сотериологический (в рамках религиозного в целом), эстетический характер, может соединять разные виды значимости. Создание семио-герменевтической фикции является созданием особой разновидности текста, априорно сложного для того, что можно определить как «про-

фанное восприятие», восприятие реципиентом с недостаточной апперцепционной базой. Причем эта сложность, зачастую искусственная, не является следствием низкой герменевтической грамотности инициаторов создания семио-герменевтических фикций, она является способом формирования такой герменевтической ситуации, которая обеспечит необходимое восприятие фикции: то, что с точки зрения структурной семиотики является маркером фиктивности, трансформируется в маркеры высокого онтологического и (или) аксиологического статуса.

Иными словами, реципиенту подобного фиктивного текста предлагается обратить внимание на наличие в нем особых маркеров, какими являются семиотически значимые элементы дискурса, при этом структура их семиотического значения может быть достаточно сложной: те смыслы, восприятие и развитие которых обеспечивают функционирование фикции, могут корениться на уровне коннотативного или субкатегориального значений. Поэтому необходимы особые подсказки, в качестве которых могут выступать императивы, регулирующие систему intersubъектных отношений, сама нарочитость использования маркеров, целенаправленное привлечение к ним внимания, целенаправленное установление нужных ассоциаций и т. п. Вообще формирование необходимого ассоциативного ряда является важнейшим условием создания семио-герменевтических фикций. Причем значение ассоциаций не исчерпывается областью семантики и герменевтики: они становятся инструментом дискурсивного развития фикции, чем больше необходимых ассоциаций способны спровоцировать эти маркеры, тем объемнее становится формируемое фикцией дискурсивное пространство. Фикция прямо или скрыто претендует на социальную (социально-религиозную) легализацию – от легализации де-факто до официального признания, отраженного в документах.

От фикций следует отличать *пародирование и профанацию* [6], использующие семиотические элементы для отрицания их ценности и значимости, и *стилизацию* [8], когда подражательная семиотизация используется лишь для придания более яркого и оригинального облика, подчеркивающего базовую семантику без каких-либо ее изменений, указанная семантика безусловно доминирует, выступая как ядерная.

Одной из разновидностей семио-герменевтических фикций является семиотическая мимикрия, специфику создания и функционирования которой мы проанализировали ранее [7]. Однако типология семио-герменевтических фикций этим не исчерпывается. Контент- и интенс-анализ дискурсов религиозных субкультур позволил авторам данной статьи сделать вывод о том, что достаточно часто формируются фикции, применительно к семантике и прагматике которых функция мимикрирования не является основной. Мимикрия предполагает наличие хорошо узнаваемого образца, подражание которому обеспечивается при помощи семиотического инструментария. В данном же случае такой образец или

отсутствует, или же в его качестве выступает некий предельно размытый виртуальный конструкт, апелляция к которому не позволяет формировать семиотическую мимикрию: в лучшем случае здесь можно говорить о стилизации. То есть фикция без соответствующей референции реализоваться не может, равно как и без создаваемой ею конкуренции, хотя бы такая конкуренция и была бы заведомо проигрышной и несерьезной, но референция сплошь и рядом оказывается слабой, размытой, неочевидной, создаваемой за счет намеков и размытых отсылок. На наш взгляд, различие прямого подражания-мимикрии и фикции не столько структурное и принципиальное, сколько количественное, создаваемое градуальными различиями тех или иных семиотических черт и приемов.

Основная семиотическая стратегия образования фикций – метафоризация, конструирование метафор (не компаративных конструкций, таковые могут быть извлечены из метафоры в процессе научного анализа за метафорической фиктивности, когда метафора достраивается до эксплицитного сравнения). Референтный объект семиотической фикции может быть весьма различным.

Референция к военным структурам. Классическим примером является Армия спасения с наличием иерархии чинов, военного стиля общения, процессий, напоминающих парад. Сюда же относятся иные милитаризованные группы, например, оранжисты в Ирландии. Случайное проникновение указанных элементов фикцию не формирует, ограничиваясь лишь искажением стиля.

Не менее показательна референция к семиотике и семантике канонических юрисдикций и стоящей за ними традиции. Так многочисленные юрисдикции «альтернативного православия» и претендующие на ектлезияльный статус маргинально-оппозиционные мирянские сообщества, ущербные в плане каноники и крайне малочисленные, охотно используют традиционную терминологию канонических юрисдикций, которая в их дискурсах семиотизируется, подвергшись денотативному расширению. Нами выявлены следующие термины:

1. «Собор» – используется для обозначения любого собрания, встречи, независимо от численности и представительности (вар. «собор мирян», «соборное движение», «земский поместный собор», «предсоборное совещание всепоместного собора», «собор духовной безопасности», «собор православных священников»). Особая семиотическая продуктивность данного концепта обусловлена как его интертекстуальностью, так и мифологической идеологией о том, что «мировое православие» утратило «соборность», которая сохраняется в «альтернативных юрисдикциях»¹.

---

¹ Отметим, что «соборность» в этих случаях понимается исключительно как аналог «церковной демократии», а не в соответствии с патристической традицией, ко-

2. «Синодальное совещание» – используется для обозначения фактически любого разговора нескольких клириков.
3. «Архиерейское совещание» – используется для обозначения «архиерейских группировок», лоббирующих какие-либо цели.
4. «Прекращение канонического общения» – используется для обозначения выхода в раскол².
5. «Синаксис» – используется для обозначения любого собрания представителей различных юрисдикций и обществ, на котором стороны пытались придти к согласию по каким-либо вопросам.
6. «Гонения» – пустое рамочное понятие, используемое для обозначения любой критики.
7. «Временное церковное управление» – используется для придания видимости каноничности различным неканоническим органам управления, не предусмотренным каноническим правом и соответствующей традицией.
8. «Синодальный дом» и «синодальный храм» – используется для предания сакрального статуса помещениям – канцелярии и переоборудованному под храм части обыкновенного дома.
  - Референция к семиотике силовых структур близка к первой описанной выше разновидности. Это:
    - использование самоназваний («Служба духовной безопасности»),
    - использование цеховой символики – указанная структура использует визиотип, близкий к классическому «щит и меч»,
    - использование слов, содержащих семные компоненты, принадлежащие и к семантическому полю «противостояние, воинственность», например, «Студия «Хоругвь». В этом случае актуализируются семы, указывающие на генезис хоругви (военный штандарт) и задающие интерпретацию слова в первую очередь как обозначение некоего военного атрибута, используемого, соответственно, в некоем силовом противостоянии (отступникам, еретикам, бежавшим женам, экуменистам и т. д.),
    - создание комплексной стилистики, сочетающей вербальные и невербальные компоненты, имитирующей не просто экспансивное про-

---

торая понимала соборность как проявление вселенского характера Церкви, но не как особый способ принятия церковно-административных решений.

² В неканоническом православии наблюдается значительная межюрисдикционная миграция клириков, обусловленная частотным непризнанием налагаемых наказаний. В ответ на запрет в служении или лишение сана обычно следуют гневные обвинения в различных ересях, узурпации власти, после чего следует «прекращение общения» и переход в иную подобную неканоническую юрисдикцию. Известны клирики, сменившие за несколько лет 4-5 подобных «юрисдикций», на церковном просторечии их называют «колобками».

тивостояние, но и наличие неких реальных ресурсов, способных такое противостояние обеспечить.

В сфере религиозного образования ситуация ощутимо меняется на протяжении последних десятилетий. Культивирование невежества (показательный пример: проповедник К. в частной беседе заявлял, что никакие богословские курсы не нужны, достаточно Библии и Духа Святого) приносит немногочисленные и сомнительные по качеству результаты, а в ситуации неизбежной конкуренции с учебными заведениями разных конфессий, имеющих обычно еще и разные уровни, снижает конкурентные возможности и портит имидж [5].

Поэтому учебные институты, восходящие зачастую к разного рода кратким богословским курсам, ликвидировавшим безграмотность, получают названия, заимствованные из семиотических полей названий, приватизированных историческими конфессиями – академии, семинарии (обычно без учета того, что классическая семинария – заведение с рядом специфических черт), институты, академии, университеты. Могут предлагаться и «престижные» формы обучения, от лекций до каких-нибудь вебинаров и иных элементов инновационных технологий. При этом состав предметов, уровень учебной литературы и качество преподавания, равно как и число учащихся и преподавательский состав, могут решительно не соответствовать названиям-эмблемам, выполняющим проспективную функцию, формирующим у реципиента некорректные завышенные ожидания.

Создание семиотической фикции в данном случае диктуется конъюнктурой: вместо того чтобы развивать духовное учебное заведение в соответствии с действующими стандартами и получать государственную аккредитацию, оказывается достаточно ограничиться декларативным использованием классических названий типа «семинария», «институт», «академия», титулатур «ректор», «проректор», «профессор», а выпускникам присваивать различные «степени» и «квалификации», не обращая внимания на их реальный академический уровень и даже банальную грамотность. Однако активное создание семиотических фикций в сфере духовного образования порождает аналогичные фикции в области как теологии, так и собственно религиозной деятельности: не способные к научно-богословским исследованиям выпускники подобных заведений стараются семиотизировать собственный интеллектуальный продукт в качестве «теологического», насыщая дискурс семиотическими маркерами теологии и науки вообще.

Здесь мы видим любопытную закономерность: фиктивные и дефективные ектлесИАльные сообщества обладают некоторой способностью экстенсивного развития благодаря постоянному продуцированию дискурсивной среды, образуемой семиотическими фикциями. В связи с этим уход в виртуальный мир Интернета становится для них способом отсрочить иллюкуТИВное самоубийство, которое последует за фактом

признания собственного маргинально-сектантского характера. Создать видимость церковности и каноничности в виртуальном мире может даже одиозная раскольническая и сектантская структура.

Значительную роль создание семиотических фикций играет в семиосфере мирянских объединений, действующих в каноническом пространстве РПЦ без благословения ее иерархов, фактически неканонически. Подобные сообщества часто являются театром одного актера, находящегося во власти сверхценной (и даже бредовой) идеи, в силу чего они не имеют каких-либо шансов превратиться в массовые движения. Отсутствие внятного канонического статуса вкупе с малочисленностью последователей существенно влияет на идеодискурс: создание семиотических фикций в этих условиях становится если не единственным, то основным инструментом информационных компаний.

Значимость вестиментарного кода велика и в контексте социальной жизни в целом, и в семиосфере собственно религиозной. Известны случаи, когда миряне выдавали себя за священников, получая плату за «службы», отправляемые в деревнях. Проблема таких псевдоклириков была актуальна в послевоенный период [1]. В настоящее время ситуация изменилась мало: для многих наличие элементов литургического облачения или сословной одежды полностью удостоверяет принадлежность носителя к духовному званию. Часто используются те элементы одежды, которые могут надевать алтарники, чтецы и т. п., не принадлежащие к иерархическому священству. Благодаря такому отбору не происходит откровенной подмены, способной как раз подорвать доверие (как если бы человек надел епитрахиль, фелонь или митру). Но даже подрясники, рясы и камилавки успешно создают ощущение некоего особого, повышенного статуса человека. Иногда используются воротники-колоратки западного образца, в этом случае используется эффект несимметричной проекции подобных знаковых систем: в католицизме право ношения колоратки (исторически это элемент сутаны) появляется с момента торжественного облачения в сутану. Православный литургический семиозис не содержит подобных правил, что можно интерпретировать двояко: как невозможность использования и как широкую нерегламентированную возможность, не нарушающую предписаний из-за отсутствия таковых. Поэтому колоратку порой надевают даже те, кто получил благословение на алтарничество.

Сказанное относится и к монашескому облачению, подчас обретающему странные, необычные формы. Наличие такой одежды часто уменьшает желание выяснить, есть ли канонически валидные подтверждения пострига, кто именно и при каких обстоятельствах его совершал и т. д. Существование своеобразного социального квазиинститута тайного монашества, разных форм монашества в миру (а также вариативных и менее привычных для нас правил вхождения в монашеский чин у старообрядцев) позволяет повысить кредит доверия еще больше. До не-

давнего времени люди, стоявшие в коридорах Московского метрополитена в подрясниках, вполне успешно собирали пожертвования «на храмы и монастыри», так что даже разъяснения касательно того, что лица, относящиеся к РПЦ МП в принципе не занимаются такими сборами, убеждало меньше, чем сам вид человека в подряснике, принявшего к тому же характерно «смиренно-согбенную» позу, соединяя таким образом вестиментику и семиотику позы.

Наконец, авторам известен случай, когда студентка одного из ВУЗов ходила по городу в черном одеянии, напоминавшем монашеское. Цель этого осталась до конца неясной, но и конфликтов с окружающими у этой «монахини» тоже не произошло.

Отметим в качестве примера, что некие аналоги рясы и наперсного креста использует и скандально известный пятидесятнический епископ Альберт Раткин, изгнанный из РОСХВЕ за неэтичное поведение. Кроме того, общее собрание РОСХВЕ с недавних пор стало именоваться собором, обсуждался вопрос о переименовании должности руководителя союза в «архиепископа».

На вербальном уровне используются семиотические штампы принадлежности к «истинному православию»: церковнославянизмы, замена ими слов и словосочетаний в обыденной речи (с очень частыми ошибками, выдающими незнание языка и напоминающих сценку из известного фильма – «паки и паки»), демонстративное оканье, подчас не соответствующее фонетическим условиям, определяющим возможность этого звукового феномена. Характерны разного рода «обличения»: когда дать полноценный ответ оказывается невозможно, такого рода «праведный гнев» маркирует переход к агрессивно-оборонительному поведению. Такое «духовное» поведение из-за своей неорганичности может становиться откровенно карикатурным, поскольку из-за недостатка опыта отсутствует чувство меры, предохраняющее от невольного шаржирования. В результате «обличение» превращается в пустое рамочное понятие, которое в общих чертах может обозначать как любую критику, так и проявления вербальной агрессии, которая, в свою очередь, объясняется «праведным гневом». Часто поведение подобных «обличителей» копирует поведение типичных гопников, целенаправленно провоцирующих случайных прохожих на конфликт.

Часто мирянские сообщества неканонического типа, организуемые по принципу сектантской стратификации (во главе с харизматичным лидером и со стратифицированной периферией), используют семио-герменевтические фикции последовательно и целенаправленно не только для формирования собственного идеодискурса, но и в целях апологетики. Эксплуатируя сохраняющееся в обществе (хотя и в значительной степени подорванное различными информационными скандалами) доверие к канонической церкви, лидеры подобных мирянских неканонических сообществ зачастую копируют различные нормы церков-

ного делового этикета, употребление лексических средств, маркированных в качестве церковной лексики, все то, что с некоторой долей условности можно определить как функциональный подстиль церковного делопроизводства. Канцелярии подобных обществ, стилистически копируя работу епархиальных канцелярий, производят и распространяют многочисленные послания и циркуляры, зачастую представляющие собой многостраничные документы, насыщенные цитатами из Писания, Отцов Церкви и Канонических правил, но тем не менее представляющие собой образец патологической речи.

Часто приемы семио-герменевтической мимикрии используются в эмблематике подобных сообществ. В качестве маркеров церковности и наличия канонического статуса используется:

- различная символика, связанная с крестом,
- шрифт, имитирующий церковнославянский полуустав,
- изобразительные знаки, семиотически маркирующие изобразительный дискурс эмблемы как связанный с семиотической темой «русскости» – это могут быть стилизованные изображения меча, шлема, щита и т. д.

Последний ряд маркеров, не являющихся непосредственно элементами традиционного церковного семиозиса и, более того, активно используемых славянскими неоязычниками, ориентирован на аудиторию, для которой религия является преимущественно частью этнической культуры.

Не менее тщательно прорабатывается видеоряд рекламных и пропагандистских материалов: так, бородатый мужчина в подряснике и скуфье, пафосно рассуждающий на фоне церковного пейзажа, будет в большинстве случаев воспринят как авторитетный в духовных вопросах священнослужитель. Не случайно в зрительских комментариях подобные лица часто именуется «отцы», «отец», тогда как в православной традиции такое обращение применяется исключительно по отношению к священнослужителям (факультативное обращение «отец» к иподиаконам не сложилось в церковную традицию).

Особенно последовательно перечисленные фикции используются для дискредитации противоэпидемических мероприятий, как относящихся к повседневному быту (использование масок), так и касающихся церковных практик [4] (прежде всего дезинфекция лжицы). Здесь, как мы видим, реализуется особая пропагандистская стратегия, в общих чертах напоминающая механизмы имиджевой рекламы. Используется накопившаяся в обществе усталость, вызванная данными мероприятиями, недовольство, вызванное различными стеснениями и неудобствами, равно как литургический консерватизм части верующих, склонных видеть в любых изменениях формы если не откровенное богоотступничество, то, как минимум, маловерие [2]. Паразитируя на стихийном недовольстве, подобные «обличители» не только таким образом способствуют росту соб-

ственного рейтинга, но порождают очередную фикцию, согласно которой «истинная» или «глубинная» церковь – против. Подрясники и камилавки в данном случае оказываются весьма востребованными.

Наконец, следует отметить обращение к терминам, не свойственным теологической (или квазитеологической) традиции: так, для неопротестантов такими терминами являются «таинство», «действительность таинства» (например, обсуждался вопрос о том, будет ли таинство действительно, если во время Хлебопреломления хлеб не ломают, а режут ножом), «исповедь» (обычно без развернутого пояснения, что это не аналог исповеди в православном или католическом понимании) и т. п. Это эквивалентно помещению над входом в молитвенные здания неких изображений, напоминающих иконы, внутри – крестов и т. п. Менее частотны, но периодически происходят прецеденты использования семиотических фикций в качестве поводов для скандала. Авторам известен случай, когда размещенный на стене в кабинете пастора кем-то подаренный календарь с репродукциями православных икон вызвал обвинение в идолопоклонстве и скандал, который в итоге расколол общину. Близким с точки зрения семиотики является навязчивое выискивание изображения креста в орнаментике и швах между напольными плитками в храмах и иных церковных помещениях, дающее основание отдельным религиозным маргиналам из числа т. н. «ревнителей православия» для курьезных обвинений духовенства в «крестопопирании» и «иконоборчестве». Борец же с подобными фикциями благодаря этому может легко и незатратно обрести репутацию борца за чистоту веры.

Это доказывает, что подобные семио-герменевтические фикции в рамках заданной семиосферы оказываются исключительно продуктивными в плане формирования смыслов при задействовании необходимого герменевтического механизма. Вероятно, в плане семиодинамики мы имеем дело с явлением, подобным формированию пустого рамочного понятия, например, как представитель альтернативной лингвистики В.А. Чудинов [9; 10] наделяет необходимым ему смыслом случайные пятна и царапины на поверхности различных предметов.

В чисто семиотическом порядке описанное явление является вариантом семиодинамики, в социальном – стремление создать мнимый социальный статус (на базе эксклюзивного семиогерменевтического статуса) и связанный с ним престиж, используя возможности операциональности знака.

Список литературы

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: РОССПЭН, 2018. 352 с.
2. Головушкин Д.А. Современный православный фундаментализм от псевдофундаментализма? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 25. С. 92–102.

3. Губман Б.Л. В универсуме символического мира культуры // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 224–228.
4. Инструкция настоятелям приходов и подворий, игуменам и игумениям монастырей Московской епархии в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции. [Электронный документ]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5608418.html> (дата обращения: 12.01.2022).
5. Кашкаров А. Феномен гносеофобии в церкви Ингрии. К 500-летию Реформации. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2017. 93 с.
6. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Parodia sacra как явление современной российской лингвокультуры // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Вып. 3. С. 121–127.
7. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиотическая мимикрия и функционирование религиозных знаковых систем: постановка проблемы // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: «Философия». 2018. № 1. С. 139–147.
8. Москвин В.П. Лингвистическая стилизация и пародия // Русская речь. 2004. № 2. С. 45–57.
9. Полинченко Д.Ю. Политические мифологемы фолк-лингвистики // Политическая лингвистика. 2010. № 4(34). С. 196–202.
10. Шварев А.Н. Профессор В.А. Чудинов – идейный вождь современной альтернативной историографии // Город в контексте микро и макроисторических процессов: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 14 ноября 2019 года. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2019. С. 124–126.

SEMIOHERMENEUTIC FICTIONS AND THE PROBLEM OF OVERESTIMATED VALIDITY IN MODERN DISCOURSES OF RELIGIOUS SUBCULTURES

V.Y. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

*Tver State University, Tver

**Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint -Petersburg

This article discusses strategies for using semiotic methods for the purposeful formation of ideas about the significance (value) of objects and phenomena that in reality do not have this significance. This technology is actively used today by the leaders of marginal religious communities and groups, both for apologetic and propaganda purposes. The formation of semiotic fictions is a more complex process than the creation of stylizations and parodies. The conducted research has confirmed the thesis that the main semiotic strategy for the formation of fictions is metaphorization, while metaphors of various types are formed. Reference is made to the semantics of army structures, security forces, traditional and canonically impeccable church life. Likewise, the creation of semiotic fictions is used to advertise questionable religious institutions, which in this way form a misconception about their academic respectability.

Keywords: *semio-hermeneutic fiction, religion, subculture, discourse.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор

кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, Professor, Department of Theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD, Professor, Department of Sociology and Religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru